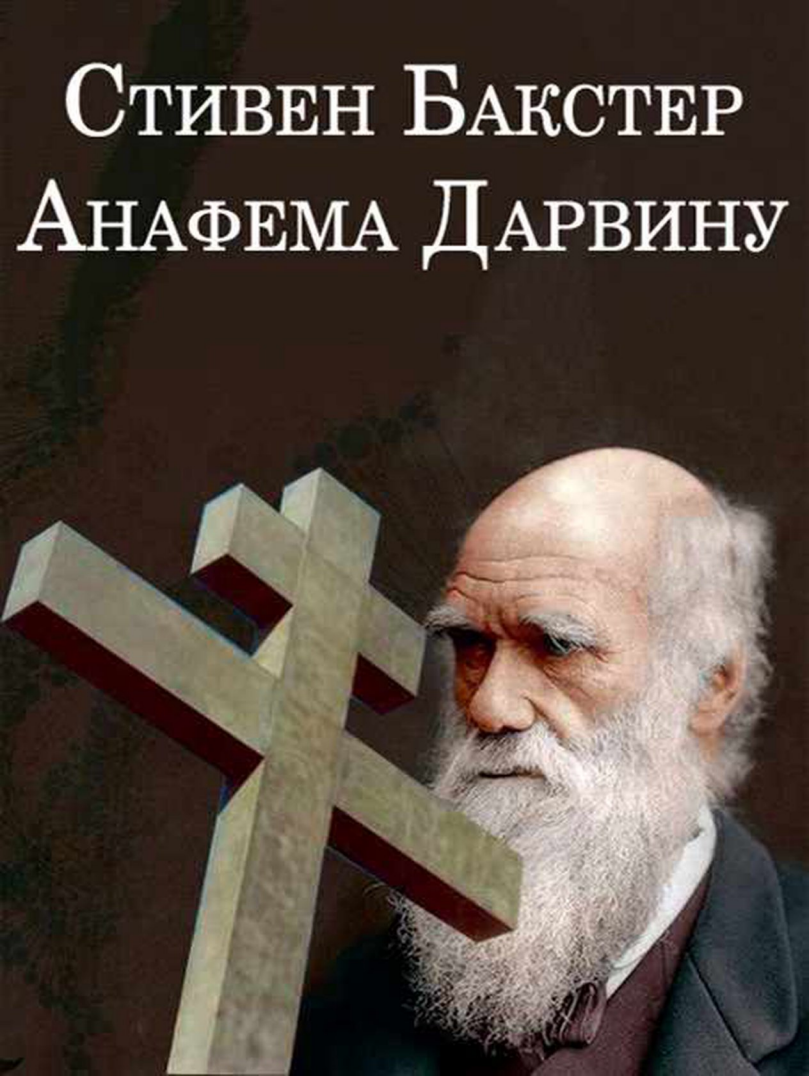
Стивен Бакстер
Анафема Дарвину

Анафема Дарвину
Стивен М. Бакстер

Аннотация
Стивен Бакстер. Анафема Дарвину

Аннотация

Темный подвал, деревянные скамьи. В кресле судьи пожилой человек с ястребиным взором в красной сутане. Пред судом — молодая девушка рядом с черным гробом. Нас ждет процесс века — Чарльз Дарвин через 150 лет после своей смерти предстал пред судом святой Инквизиции.

Стивен Бакстер
Анафема Дарвину

Мэри Мейсон в сопровождении носильщика, который катил за ней следом тележку с багажом, сошла с парохода на пристань в Фолкстоне и вместе с другими пассажирами стала в очередь на контроль безопасности.

Фолкстон, первое, что она увидела в Англии, на первый взгляд не слишком располагал к себе: маленькая гавань, укрытая от ветра скалами, за которыми виднелся мрачный, закопченный город с торчащими над ним тонкими шпилями церквей. В порту было многолюдно: пассажиры, сходящие на берег, грузчики, занятые разгрузкой трюмов. Несколько конных повозок стояли рядком в ожидании, среди них одна с паровым двигателем, вся покрытая копотью. Океанский пароход с проржавевшими бортами казался в этой гавани пугающе огромным и мощным.

Мэри было сорок четыре года. Она устала, все тело у нее затекло, и, как оказалось, она уже немного отвыкла стоять на твердой поверхности, не качающейся вверх-вниз. Путь из Южной Земли до самой Англии Мэри проделала, чтобы принять участие в суде инквизиции над Чарльзом Дарвином, умершим более ста лет назад. Дома, в Куктауне, это казалось ей весьма заманчивой перспективой. Теперь же эта мысль

представлялась ей чистым безумием.

Когда наконец подошла ее очередь, портовые контролеры внимательно изучили ее паспорт, устроили настоящий перекрестный допрос о цели приезда в Англию (по всей видимости, слово «натурфилософ» им ни о чем не говорило), затем разворошили все чемоданы. Наконец один из чиновников вернул ей паспорт. Она глянула на всякий случай, верная ли дата стоит на визовом штампе: 9 февраля 2009 года.

— Добро пожаловать в Англию, — буркнул чиновник.

Мэри прошла вперед, носильщик за ней.

— Лектор Мейсон? Далеко здешнему порту до куктаунского, верно? И все же я надеюсь, вы остались довольны путешествием.

Она обернулась:

— Отец Брейзел?

Это был Ксавьер Брейзел — тот самый иезуит, что согласовывал ее приглашение и приезд. Высокий, стройный, изящный, в скромном черном костюме с белым пасторским воротничком. Значительно моложе ее, лет тридцати, должно быть. Он улыбнулся, перекрестил ее двумя пальцами, благословив, и пожал руку.

— Зовите меня Ксавьер. Рад знакомству, ис-

кренне рад. Для нас большая честь, что вы согласились участвовать в процессе, и я с особым нетерпением жду, когда мы услышим вашу речь в соборе Святого Павла. Идемте, я нанял коляску до вокзала… — Он кивнул носильщику и повел ее вперед. — Процесс над Алисией Дарвин и ее не знаю сколькоюродным прадедом начинается завтра.

— Да. Пароход задержался в пути на пару дней.

— Жаль, что у вас почти не будет времени подготовиться и отдохнуть.

— Ничего.

Коляска была маленькая, но крепкая, запряженная парой смирных лошадок. Они с грохотом покатили экипаж по тесным, вымощенным булыжником улицам.

— И прошу прощения за меры безопасности, — сказал Ксавьер. — Не слишком приветливо наша страна встречает гостей. Это началось после взрывов двадцать девятого мая.

— Это же было шесть лет назад. И ватиканских террористов, кажется, поймали?

Речь шла о мелких терактах мусульманских фанатиков — так они отметили 550-летие исламского завоевания Константинополя, через сто двадцать с лишним лет после того, как христиан-

ская коалиция вновь отвоевала город у турок.

Ксавьер только улыбнулся:

— Стоит один раз окружить себя стальным кольцом, и попробуй его потом разорви.

Они прибыли на станцию, где как раз ожидал отправления дневной поезд на Лондон. Билеты Ксавьер купил заранее. Он помог Мэри занести багаж и проводил ее в вагон первого класса. Она оказалась едва ли не единственной светской пассажиркой, все прочие были сплошь лицами духовного звания: мужчины в черных костюмах, женщины в монашеских покрывалах.

Поезд тронулся. Мимо окон понеслись облака черного дыма.

Проводник принес кофе. Ксавьер с удовольствием сделал глоток.

— Угощайтесь, прошу вас.

Мэри попробовала свой кофе.

— Вкусно.

— Французский, из американских колоний. Французы знают толк в кофе. Кстати, раз уж мы заговорили о Франции — вы раньше в Британии не бывали? Между прочим, эта линия железной дороги повторяет маршрут наступления наполеоновской Grande Armee в тысяча восемьсот седьмом году, через Мейдстон на Лондон. Вы, мо-

жет быть, заметили памятники в городах, через которые мы проезжали… Что с вами, лектор? Мне кажется, вас что-то беспокоит.

— Не привыкла к такому количеству духовных лиц вокруг. Южная Земля — христианская страна, хотя и прошла через марксистскую реформацию. Но у меня такое чувство, будто в этом поезде я единственная грешница.

Он улыбнулся и произнес доверительным тоном:

— Если вам кажется, что здесь у нас переизбыток пасторских ошейников, вам стоило бы поглядеть на Рим.

Он уже начинал ей нравиться — своим чувством юмора и откровенностью. Но Мэри по опыту знала, что иезуиты умеют втираться в доверие и использовать это в своих целях.

— Мне ведь не придется ехать в Рим, чтобы увидеть святую инквизицию в действии?

— Мы предпочитаем не употреблять этот термин, — невозмутимо ответил он. — Священная Конгрегация доктрины веры, вновь получившая полномочия при кардинале Ратцингере, после терактов двадцать девятого мая, блестяще проявила себя в борьбе с турецкими экстремистами.

— Которые хотели всего лишь вернуть свободу

вероисповедания, какая у них была до крестового похода тысяча восемьсот семидесятого года.

Он улыбнулся:

— Вы знаете нашу историю. Ну конечно, потому-то вы и здесь. Для нас очень важно присутствие объективного наблюдателя. Конгрегация хочет, чтобы все видели: суд рассматривает дело Дарвина законно и беспристрастно. Должен признаться, другие философы, специалисты по естественному отбору, ответили на наше приглашение отказом…

— И вам пришлось довольствоваться историком натуральной философии?

— Мы очень благодарны вам за содействие. Церковь в целом стремится не доводить дело до прискорбных разногласий. Цель разбирательства в Конгрегации — не осудить, а прояснить отношения между теологией и натуральной философией. И я искренне надеюсь, что, когда вы увидите это своими глазами, вы перемените свое мнение о нас к лучшему.

Мэри пожала плечами:

— Положим, у меня здесь есть и свой интерес.

Как историк, она надеялась собрать любопытный материал о вековом противостоянии между Церковью и натуральной философией, а может

быть, извлечь какую-то пользу и из самого суда, помимо возможности в меру сил воспрепятствовать пропаганде инквизиции. Однако теперь, оказавшись в самом сердце теократии, она уже не была уверена в успехе.

Она замолчала. Ксавьер смотрел на нее с вежливой озабоченностью.

— Вам удобно? Может быть, еще кофе?

— Кажется, я немного устала, — сказала она. — Извините, если я была резка. — Она порылась в сумке и достала книгу. — Может быть, я пока почитаю немного и дам вам отдохнуть.

Он посмотрел на корешок.

— Герберт Уэллс, «Война небесных сфер».

— Я хочу как можно глубже погрузиться в английскую атмосферу.

— Хорошая книга, и ереси в ней не так уж много. — Он даже подмигнул.

Мэри невольно рассмеялась, но вместе с тем ощутила легкий неприятный холодок.

Она почитала, потом немного вздремнула под стук колес, пока поезд проезжал города Кента, Эшфорда, Чаринга и других графств. Города и деревни были маленькие, тесные, дома все, как один, в черных пятнах сажи. В пробегающем за окном загородном пейзаже то тут, то там мелька-

ли маленькие фермы, крестьяне, одетые во что-то грязно-серое, работали в полях. Приземистые церквушки торчали среди этой первозданной зелени словно каменные гвозди. Мэри слышала, что в Мэйдстоне стоит памятник Веллингтону, на том месте, где герцог погиб при неудачной попытке остановить Наполеона у реки Медуэй. Но если такой памятник и был, из поезда она его так и не увидела.

Когда поезд подошел к Лондону, уже начало темнеть — короткий английский день клонился к закату.

Как гостью Церкви, ее разместили в одном из лучших лондонских отелей. Однако номер ее освещала лишь масляная лампа-коптилка. Электричество, кажется, было только в лобби и в гостиной. А у нее-то, в доме под Куктауном, даже на крыльце горит электрическая лампочка. Еще она заметила, что на телеграфе, куда она зашла отправить весточку домой, мужу и сыну, аппарат был австралийский, максвелловской конструкции.

Зато утром она обнаружила, что из ее окна открывается великолепный вид на дворец Людовика Шестнадцатого, на Уайтхолл и на улицу Мэлл. День был ясный, голуби порхали вокруг

статуи Бонапарта, установленной на огромном кресте, возвышавшемся над площадью. Историку это напоминало прежде всего о медленном, но сокрушительном реванше, одержанном Католической церковью в протестантской Англии. В восемнадцатом веке Католическая лига феодалов объединилась с французами, чтобы подавить британские имперские амбиции в Америке и Индии, а затем, в 1807 году, на Англию натравили корсиканца, цепного пса французского короля. К тому времени как Наполеону пришлось отступить, Англия уже снова стала католической страной под управлением нового короля из династии Бурбонов. Глядя на задумчивое лицо Наполеона, Мэри вдруг порадовалась, что ее дом от всех этих исторических событий отделяют двенадцать тысяч миль.

Отец Ксавьер зашел за ней в девять. В конной повозке они подъехали к собору Святого Павла, где должен был состояться суд над Чарльзом Дарвином.

Собор был величественный. Ксавьер, уговаривая ее на это кругосветное путешествие, пообещал, что ей позволят произнести проповедь с кафедры собора перед руководителями лондонского теологического и философского сообщества.

Теперь эта перспектива начинала казаться уже пугающей.

Впрочем, оглядываться по сторонам было некогда. Ксавьер в сопровождении вооруженного инквизиторского стража провел Мэри прямо к лестнице, ведущей в крипту, от которой расходился лабиринт темных коридоров с рядами тяжелых запертых дверей. После всего этого великолепия наверху здесь Мэри почувствовала себя словно в тюрьме.

Ксавьер угадал ее настроение:

— Вы отлично держитесь, лектор.

— Да. Стараюсь запомнить дорогу обратно.

Комната, где должно было состояться столь выдающееся событие, оказалась неожиданно пустой и тесной, с голыми оштукатуренными стенами, с висящими под потолком электрическими лампочками. В центре стоял деревянный стол, за ним в ряд сидели, как догадалась Мэри, инспекторы инквизиции — сурового вида мужчины, все чуть старше средних лет, в траурно-черных костюмах с пасторскими воротничками. Председатель сидел в замысловатом кресле, больше похожем на трон и возвышавшемся над остальными.

Перед судьями стояла девушка — стояла, как заметила Мэри, потому что сесть ей было некуда.

Девушка, должно быть, та самая Алисия, сколько-то-юродная внучатая племянница Дарвина, была одета в строгое темно-серое платье. У нее было очень бледное лицо, голубые глаза и рыжеватые волосы. Лет ей было двадцать — двадцать один, не больше.

Рядом с ней сидел молодой человек в строгом костюме, красивый, с живым, внимательным лицом. По другую сторону Мэри с изумлением увидела гроб, водруженный на козлы.

Ксавьер подвел Мэри к скамье у стены. Там уже сидели еще несколько представителей духовенства, в большинстве своем мужчины. В дальнем конце помещения сидели мужчины и женщины в светской одежде. Некоторые что-то записывали в блокнотах, другие карандашными штрихами набрасывали портреты участников процесса.

— Чуть не опоздали, — пробормотал Ксавьер, садясь рядом. — Прошу прощения. Видели, как на меня посмотрел отец Бонифаций?

— Тот самый Бонифаций? Не может быть!

— Его преподобие отец Бонифаций Джонс, главный комиссар Священной канцелярии. Обучался своей профессии при самом комиссаре Гитлере, когда старик ушел на покой после всех славных дел во время миссионерских войн в православ-

ной России…

— А кто все эти люди, в дальнем конце?

— Из хроники. Дело ведь имеет международное значение.

— Только не говорите мне, кто там, в гробу.

— С надлежащим почтением эксгумирован из могилы в Эдинбурге и привезен сюда. Нельзя же обойтись без его присутствия на суде по его собственному делу. Сегодня мы услышим показания сторон. Приговор должны вынести через пару дней — двенадцатого, в день двухсотлетия Дарвина.

Ксавьер пояснил, что молодого человека, сидящего рядом с Алисией, зовут Ансельм Фэйруэзер. Это друг Алисии, юрист по богословским вопросам, который по ее просьбе помогает представлять ее дело в суде.

— Но он не адвокат, — вполголоса рассказывал Ксавьер. — Не забывайте, это ведь не гражданский процесс. Ответчица имеет некое общее представление о тех обвинениях, которые ей намерены предъявить как живой представительнице семьи Дарвин, — единственной, кто изъявил такое желание, кстати. Думаю, ее участие в процессе было инициативой мистера Фэйруэзера. Однако ей не предоставили права

ознакомиться с этими обвинениями и доказательствами или узнать, кто их выдвигает.

— Не очень-то справедливо с точки зрения правосудия.

— Но ведь это и не совсем правосудие. Этот суд призван исполнить волю Бога, основываясь на непогрешимости Небесного Отца и мудрости его служителей.

Заседание открылось стуком молотка Джонса. Секретарь принялся за стенографический отчет. Джонс велел участникам процесса назвать свои имена и должности. Рядом с ним на судейской скамье сидели другие комиссары и прокурор Священной канцелярии.

Когда очередь дошла до Мэри, она встала и представилась лектором Куктаунского университета, прибывшей сюда в качестве наблюдателя и консультанта в своей экспертной области. Бонифаций откровенно улыбнулся. Лицо у него было длинное и серое, совсем как гроб с эксгумированным телом Дарвина, под глазами бархатно-черные круги.

Алисе подали Библию, и она стала зачитывать по бумажке латинские фразы.

— Я не знаю латыни, — шепнула Мэри Ксавьеру. — Она клянется говорить только правду, да?

— Да. Я вам переведу…

Бонифаций взял бумагу и начал задавать вопросы на латыни — звук был такой, будто камни сыплют в ведро. Ксавьер шепотом переводил:

— Каким путем и как давно вы прибыли в Лондон?

Девушка отвечала, слава богу, по-английски, с сильным шотландским акцентом:

— Поездом, а затем в повозке из дома моей матери в Эдинбурге. Этот дом принадлежит нашей семье со времен преподобного Чарльза Дарвина.

— Знаете ли вы или догадываетесь ли, по какому поводу вам было велено предстать перед Священной канцелярией?

— Думаю, что знаю. — Она бросила взгляд на гроб. — Чтобы выступить в защиту моего покойного дяди, поскольку его книга, опубликованная сто пятьдесят лет назад, была сочтена еретической.

— Назовите эту книгу.

— Она называется «Происхождение видов путем естественного отбора».

— Изложите содержание этой книги.

— В общем-то, я ее даже не читала. Да и не знаю никого, кто читал. Она попала в Указатель еще до того, как была опубликована. Я знаю ее только по

пересказам… В ней излагается гипотеза, объясняющая многообразие животных и растительных форм, которые мы видим вокруг себя. Почему некоторые из них так похожи, например, разные породы кошек или птиц? Мой дядя провел аналогию с известными модификациями пород собак, голубей и других домашних животных под действием искусственного отбора, с помощью которого люди добиваются нужных им свойств. Он предположил… то есть он выдвинул гипотезу, что природное многообразие живых существ могло быть результатом некоего отбора, бессознательно осуществляемого природой в ходе борьбы за ограниченные ресурсы, за воду и пищу. Этот отбор со временем формирует свойства животных точно так же, как сознательные действия людей.

— Верите ли вы, что в этой гипотезе содержится истина?

— Я же не натурфилософ. Я хочу быть художницей. Учусь живописи…

— Верите ли вы, что в этой гипотезе содержится истина?

Девушка опустила голову:

— Она противоречит Священному Писанию.

— Верил ли преподобный Чарльз Дарвин, что в его гипотезе содержится истина?

Девушка видимо смутилась.

— Может быть, вам лучше открыть гроб и спросить у него самого? — Адвокат, Ансельм Фэйруэзер, тронул Алисию за руку. — Прошу прощения, святой отец. Преподобный Дарвин изложил это как гипотезу, организующий принцип, подобно тому как Галилео Галилей предположил, что Земля вращается вокруг Солнца, — в качестве гипотезы, и только. Естественным отбором можно было бы объяснить некоторые наблюдаемые в природе явления. Несомненно, в основе этих явлений лежит истина Божественного творения, которую наши слабые умы пока не в состоянии постичь. Чарльз ясно заявил об этом в своей книге, которую представил в виде диалога между сторонником его гипотезы и скептиком.

— Считаете ли вы, что в ходе этого диалога ересь была достаточно убедительно опровергнута?

— Об этом лучше судить вам. Я хочу сказать, что он стремился представить взвешенную точку зрения, и если это не удалось, то лишь из-за недостаточного владения художественной формой — мой дядя был прежде всего философом, а потом уже писателем, и…

— Известно ли вам, какое судебное предписание было вынесено Чарльзу Дарвину после

первой публикации этой книги?

— Уничтожить опубликованное издание и заменить его переработанным, где более четко оговаривался бы гипотетический характер его доводов.

— Известно ли вам, подчинился ли он этому требованию?

— Мне ничего не известно о втором издании. Чарльз Дарвин бежал в Эдинбург, где выступил со своей гипотезой перед Королевским научным обществом, и его дальнейшие труды были опубликованы в виде протоколов этого общества.

Ксавьер вполголоса пробормотал Мэри:

— Ох уж эти шотландские пресвитерианцы… Одна беда с ними. — Он перевел следующий вопрос: — Одобряете ли вы его побег из Англии при помощи преступников-еретиков, известных как Академия рысьеглазых?

— Мне ничего об этом не известно.

— Одобряете ли вы его отказ предстать перед судом Священной канцелярии?

— Об этом я тоже ничего не знаю.

— Одобряете ли вы его неповиновение решению Священной канцелярии?

— Насколько я могу судить, он полагал, что в его книге представлена достаточно взвешенная

точка зрения и, таким образом, ничего еретического в ней нет, а следовательно, предписание не имеет оснований…

Так проходил весь процесс. Допрос никак не касался философской стороны учения Дарвина, ради чего, собственно, Мэри и явилась сюда. Алисию Дарвин безжалостно и неотступно допрашивали о намерениях и воззрениях ее дальнего предка. На эти вопросы Алисия при всем желании не могла ответить иначе как субъективными предположениями, и она стойко придерживалась этой линии.

Какой жалкий эпилог к истории самого Дарвина, думала Мэри. Он был одаренным молодым священником, подумывал о том, чтобы вступить в орден иезуитов, а в 1831 году отправился в экспедицию на исследовательском судне «Бигль»: англичане так и не построили империю, однако страсть к путешествиям сохранили. Там Дарвин попал под влияние ярких радикальных мыслителей из пресвитерианского Эдинбурга — деятелей «шотландского Просвещения», как назвали их историки. Во время путешествия он сам видел, как рождались и погибали целые острова, наблюдал островные виды бакланов и игуан, явно находящиеся в процессе перехода из одной формы в

другую… Оторвавшись от мертвящих догматов Церкви, он, что и неудивительно, вернулся домой, переполненный новыми впечатлениями и взглядами, которые уже не оставляли его до конца жизни. Но эти взгляды оказались для него весьма опасными.

Все это было давным-давно: со времен плавания «Бигля» прошло почти двести лет. Однако Церковь мыслила категориями столетий и теперь требовала расправы.

Алисия вызвалась участвовать в процессе из уважения к своему дяде, так же как и Мэри. Мэри представлялось, что суд будет простой формальностью. Но какой же тоненькой, хрупкой и беззащитной казалась эта девушка, стоявшая перед грозным рядом теократов — людей, которые, с тревогой напомнила себе Мэри, в буквальном смысле слова властны над ее жизнью и смертью. Один раз во время допроса Алисия взглянула на Мэри, одну из немногих женщин в комнате, и Мэри осторожно улыбнулась в ответ: «Нет, девочка, я тоже не знаю, какого черта мы с тобой в это ввязались».

Сегодняшнее заседание подошло к концу. Алисии пришлось прочитать записанный вручную секретарем протокол заседания и поставить под

ним свою подпись. Ей было велено никуда не уходить до специального разрешения, и с нее взяли клятву молчать. Когда ее уводили в камеру, куда-то в лабиринт подземных коридоров, на лице у нее застыл ужас.

Мэри поднялась:

— Такого она не ждала.

Ксавьер пробормотал:

— Не волнуйтесь. Это просто формальность. Она не узница.

— Что-то не похоже.

— Дарвина, разумеется, признают виновным в неповиновении тому давнему решению суда. Но Алисию попросят всего лишь отречься от поступков своего дяди и осудить его книгу. Это очень мягкое наказание…

— Мне сейчас не до того. Я хочу выйти отсюда. Мы можем уйти?

— Только пропустим сначала его преподобие… — Он поклонился Бонифацию Джонсу и другим, проплывавшим мимо в своих черных мантиях величаво, будто корабли под парусами.

На следующий день Мэри должна была произносить проповедь в соборе.

Она назвала ее «Галилей, Эйнштейн и таинство пресуществления» — там, на другом конце света,

эта опасная тема казалась отличной находкой. Однако теперь, стоя на кафедре собора Святого Павла, ощущая себя непривычно крохотной среди этих высоких каменных стен, видя перед собой ряды спокойных, одетых в черные сутаны, наделенных огромной властью мужчин, Мэри уже не чувствовала былой уверенности.

В первом ряду сидел и Ансельм Фэйруэзер, адвокат Алисии Дарвин. Его умное лицо светилось юношеской любознательностью, которую Мэри так редко приходилось встречать здесь. Ксавьер Брейзел сидел рядом с ним, и вид у него был, как обычно, несколько зловещий, но хотя бы привычный и до некоторой степени успокаивающий.

Будь что будет. Она решила прочитать заготовленную речь без изменений.

— Я хорошо понимаю, что у большей части духовенства и, возможно, у значительной части светского общества преимущественный интерес вызывают достижения Галилея в астрономии, динамике и других областях в период до тысяча шестьсот тридцать третьего года. До вызова в Рим, где ему должны были предъявить обвинения в ереси за работу, в которой была выдвинута гипотеза о вращении Земли, — обвинения, которые, как известно, так и не были предъявлены.

Но для меня как историка натуральной философии наибольший интерес представляет та часть его научного наследия, что относится к периоду после Рима…

Никто не знает точно, что говорили тогда Галилею в этом теократическом змеином логове, которое представлял собой Рим семнадцатого столетия, и, в частности, что сказал тогда сам папа Урбан. Ходили слухи, что тосканский посол, который принимал Галилея в Риме, каким-то образом вмешался и смягчил гнев папы. Галилею не пришлось проходить через унизительную процедуру суда инквизиции над его коперниковскими воззрениями и, главное, не пришлось понести наказание. Дряхлеющий одинокий старик вернулся домой, в Тоскану. В последние годы он отказался от астрономических изысканий, навлекших на него столько бед, и все свое внимание обратил на «гипотезы» в области динамики, физики движущихся тел. Эти идеи овладели им еще в юности, когда он заметил некую закономерность в раскачивании церковных люстр, напоминавших маятники.

И уже на закате своей жизни Галилей пришел в этой области к поразительным открытиям, двинувшим науку далеко вперед.

Позднейшие труды Галилея опередили математические методы того времени и в полной мере были оценены только тогда, когда их заново истолковали новые поколения математиков, прежде всего Лейбниц. В сущности, на основе бытовых наблюдений за самыми обычными движениями предметов Галилей возвел теорию, ныне известную как теория относительности движения, согласно которой суммарная скорость движущихся объектов никогда не превышает некой «предельной скорости». Эту теорию следует рассматривать в рамках концепции четырехмерного пространства-времени. Кроме того, в работах Галилея содержалось еще одно замечательное открытие, или, по его осторожному выражению, гипотеза — что Вселенная расширяется в четырехмерном пространстве.

Эта гипотеза получила подтверждение в позднейшие века. Джеймс Клерк Максвелл, развивая свои идеи об электромагнитных явлениях в относительно свободной в интеллектуальном отношении обстановке пресвитерианского Эдинбурга, доказал, что «предельная скорость» Галилея — это не что иное, как скорость света.

А позднее, в девятнадцатом веке, астрономы нашей австралийской обсерватории, измерив

доплеровский сдвиг частоты света в отдаленной туманности, сумели доказать, что окружающая нас вселенная действительно расширяется, как и было предсказано в работе Галилея.

Мэри не стала добавлять, что сотрудники обсерваторий Южной Земли, главным образом аборигены, давно доказали по параллаксу звезд и то, что Земля действительно вращается вокруг Солнца, как безусловно полагал Галилей.

Наконец она дошла до пресуществления.

— В тринадцатом веке Фома Аквинский обосновал таинство пресуществления — как причастие может быть в одно и то же время и куском хлеба, и телом Христовым — при помощи физики Аристотеля. Причастие имеет внешнюю форму хлеба, но внутреннюю сущность Христа. Прошло уже более ста лет с тех пор, как блаженный Альберт Эйнштейн, в то время простой церковный служитель, показал, что трансформация хлеба в плоть может быть описана посредством галилеевской ротации четырех измерений, не постижимой нашими органами чувств. И насколько я знаю, ватиканская комиссия рассматривает возможность принять эту трактовку в качестве основополагающей, второй схоластики. А в основу ее легли догадки Галилея…

— Я часто думала, — сказала она в заключение, — что если бы ссора с власть имущими не вынудила Галилея сосредоточиться на динамике — или, того хуже, если бы суд и приговор не отняли у него силы, а то и жизнь, — возможно, открытие теории относительности движения отодвинулось бы на несколько веков.

Речь ее была встречена кивками и улыбками священнослужителей — они готовы были принять в качестве объяснения своего главного таинства мудрость человека, умершего четыреста лет назад, которого их Церковь едва не подвергла гонениям.

В конце мессы к Мэри подошли Ксавьер и Ансельм Фэйруэзер.

— Мы не могли аплодировать, — сказал Ксавьер. — В церкви это запрещено. Но вашу проповедь высоко оценили, лектор Мейсон.

— Ну что ж, спасибо.

Ансельм сказал:

— Некоторые моменты в вашей речи, лектор, пробудили мой интерес. Вы когда-нибудь слышали об Академии рысьеглазых? Названа так в честь рыси, самой остроглазой из крупных кошек. Это было содружество свободомыслящих ученых, основанное во времена Галилея для борьбы про-

тив господства Церкви в философии. Академия опубликовала последние книги Галилея. После Галилея она ушла в подполье, но продолжала поддерживать новых мыслителей. Она встала на защиту Ньютона, когда его отлучали от Церкви, защищала Фонтенеля, а после помогла Дарвину бежать в Шотландию.

Мэри бросила взгляд на сидящих перед ней священнослужителей. На бесстрастном лице Ксавьера читалось невысказанное предостережение.

— Вы что-то хотите мне сказать, мистер Фэйруэзер?

— Послушайте, не могли бы мы поговорить наедине?

Выйдя из собора, она пошла следом за Ансельмом. Ксавьер явно не желал быть свидетелем их разговора.

Они вдвоем прошли по Блэкфрайарз к реке, а потом на запад по набережной Виктории. Под черными от сажи железными мостами по Темзе тут и там сновали маленькие паровые суденышки. Очертания города на фоне неба, насколько можно было увидеть отсюда, выглядели плоскими, прижатыми к земле, бедные лачуги раскинулись по низким холмам скомканным

одеялом, кое-где прорезанным тонкими шпилями церквей. Город по сравнению с Куктауном был огромный, но казалось, что он гниет под этой плотной пеленой дымного тумана. На улицах на каждом шагу попадались дети, их в этой католической стране было с избытком — босоногих, чумазых от копоти, оборванных. Интересно, многие ли из них ходят в школу и имеют доступ к лекарствам, которые привозят через океан из клиники Пастера, из Южной Земли в охваченные болезнями города Европы.

На набережной Мэри спросила своего спутника напрямую:

— Итак, Ансельм, вы член Академии рысьеглазых?

Он рассмеялся:

— Вы меня раскусили.

— Ваши намеки не отличались тонкостью.

— Да. Что ж, прошу прощения. Но на тонкости уже нет времени.

— И что же за срочность такая?

— Суд над Дарвином должен привести к нужным последствиям. Я хочу убедиться, что вы на моей стороне. Мы намерены использовать этот суд, чтобы исправить ошибку, которой Церковь никогда не совершала.

Она покачала головой:

— Ошибку, которой никогда не совершала… Я что-то не улавливаю ход вашей мысли. И я ни на чьей стороне.

— Послушайте, Академия не ставит под сомнение авторитет Церкви в области морали и этики, в сфере божественного. Мы протестуем лишь, когда Церковь посягает на свободу мысли. Умы людей скованы философскими системами, которые Церковь навязывает нам два тысячелетия подряд. Сначала христианство было навязано римской империи. Затем Фома Аквинский навязал философию Аристотеля, его четыре элемента, его космологию хрустальных сфер — она до сих пор остается официальной доктриной, хотя и то, что мы наблюдаем своими собственными глазами, и то, что можно увидеть с помощью инструментов, изобретенных у вас в Южной Земле, опровергает каждое его слово! Мы взяли свой девиз у самого Галилея. «Я не считаю себя обязанным верить, что Бог, наделивший нас чувствами, рассудком и интеллектом…»

— «…хотел бы, чтобы мы ими не пользовались». Но я не вижу, какое это имеет отношение к суду.

— Это эхо суда над Галилеем, от которого сама же Церковь отказалась! Галилея бросили в тюрь-

му, запугали пытками и смертью на костре, и он согласился сказать то, что от него требовали, — но он так и не предстал перед судом.

Теперь она начинала понимать.

— А если бы предстал?

Он оживленно кивнул:

— Вы уловили суть. За несколько десятилетий до Галилея Церковь преследовала другого философа, Джордано Бруно, которого заподозрили в ереси. Его сожгли на костре! Но о Бруно никто не знал. А Галилей был знаменит по всей Европе! Если бы сожгли его — да хотя бы просто подвергли публичному унижению этим судом, — это вызвало бы бурю возмущения, особенно в протестантских странах, в Англии, в Нидерландах, в Германских Штатах. Это уничтожило бы моральный авторитет Церкви там и поколебало бы его даже в католических странах.

И тогда Церковь уже не смогла бы запугать других мыслителей, последователей Галилея. Вы историк натуральной философии, вы должны видеть закономерность. До Галилея у нас были такие мыслители, как Бэкон, Леонардо, Коперник, Кеплер… Это был грандиозный всплеск идей. Галилей в своих работах свел в одно целое и прояснил все эти направления — он ведь писал

об атомистической теории. Его работы могли бы положить начало революции в мышлении. А после него — сравнительно пусто. Вы слышали об Исааке Ньютоне, алхимике, который разрабатывал новую механику на основе идей Галилея? Если бы Церковь не смогла осудить Ньютона, кто знает, чего бы он добился?

— И все из-за того, что Церковь пощадила Галилея.

— Да! Я понимаю, это парадокс. Мы подозреваем, что в тот раз Церковь по чистой случайности сделала верный ход…

Мэри не без симпатии относилась к этой позиции. Однако внутреннее чувство ей подсказывало, что в реальности дело обстояло несколько сложнее, чем в представлении этого юноши. Если бы суд над Галилеем состоялся, смог бы он написать те работы, которые закончил в последние годы? Возможно, понадобилось бы еще несколько веков, чтобы открыть относительность движения…

В голове Ансельма таким тонкостям явно не было места.

— Лучше бы Галилею стать мучеником! Тогда все увидели бы истинное лицо Церкви.

Теперь он показался Мэри совсем юнцом.

— А теперь, — осторожно сказала она, — вы хотите использовать этот суд над Дарвином, чтобы создать новую мученицу. Хм… Сколько лет Алисии Дарвин?

— Только что исполнилось двадцать.

— А она знает, что из нее хотят сделать символ мученичества во имя ваших целей? — Он не ответил, и она настойчиво спросила: — Это ведь вы предложили ее в качестве законной представительницы в суде? Кто она вам?

— Мы любим друг друга, — с вызовом заявил он. — О, не волнуйтесь, лектор, все в высшей степени целомудренно. Но она ради меня пойдет на все… как и я ради нее.

— А полюбили бы вы ее, не будь она внучатой племянницей Дарвина? И еще раз спрашиваю: она знает, во что ввязывается?

Он упрямо выдержал ее взгляд.

— Академия рысьеглазых — древнее и стойкое в своих убеждениях общество. У Церкви память длинная, ну так и у нас тоже. И я надеюсь… я молю Бога, чтобы вы, лектор, если возникнет такая необходимость, своим немалым авторитетом способствовали вынесению правильного судебного решения. — Он оглянулся вокруг. — Почти полдень. Хотите пообедать?

— Нет, спасибо, — сказала она, резко повернулась и пошла прочь.

В четверг, 12 февраля, в день двухсотлетия со дня рождения Дарвина, уже в другом подземном помещении, прорытом в лондонской глине под собором Святого Павла, состоялось заключительное заседание суда.

«По крайней мере, этот зал больше и роскошнее», — подумала Мэри. Стены отделаны панелями из дерева, на полу ковры и освещение приличное — электрических ламп достаточно. Но все это было сделано, очевидно, только ради восьми кардиналов, прибывших на заключительный акт судебного разбирательства. Они сидели в своих разноцветных облачениях на изогнутой скамье в центре зала, и Мэри непочтительно подумала, что они странно напоминают ей австралийских птиц в кричаще-ярких оперениях.

Перед ними сидели судебные чиновники, начиная с Бонифация Джонса и кончая секретарем, деловито и проворно скрипевшим своим пером. Газетчики тоже что-то торопливо записывали и зарисовывали. У Ансельма Фэйруэзера, сидевшего поодаль от своей клиентки-возлюбленной, вид был возбужденный, словно у зрителя на спортивном матче. Стражей Мэри не видела, но была

уверена, что они где-то здесь, наготове, на тот случай, если Алиса осмелится воспротивиться решению суда. Зловещий гроб снова стоял на подмостках.

И перед всеми, в белой рубахе кающейся грешницы, скованная цепями по рукам и ногам, стояла Алисия Дарвин.

— Поверить не могу, что я вызвалась участвовать в этом фарсе, — тихо пробормотала Мэри Ксавьеру Брейзелу. — Я тут пока ни словом не помогла, черт возьми. И взгляните только на эту бедную девочку.

— Это простая формальность, — сказал Ксавьер. — Белая рубаха — это часть древней традиции, которая…

— Неужели ради авторитета Церкви с ее двухтысячелетней историей так уж необходимо унизить несчастного запутавшегося ребенка?

Ксавьер, кажется, слегка встревожился.

— Мэри, никто не должен слышать, что вы проявляете неуважение к суду. — Он наклонился поближе и шепнул: — И что бы там ни наговорил вам Ансельм, советую выкинуть это из головы.

Она вгляделась в его красивое, бесстрастное лицо, стараясь угадать, что за ним скрывается.

— Значит, вы слышите только то, что хотите

слышать? У вас удивительная способность отсекать все неудобное. Должно быть, без этого в вашем мире не выжить.

— Я всего лишь хочу добра Церкви — и моим друзьям, к которым, надеюсь, могу причислить и вас.

— Давайте поговорим после, когда весь этот спектакль закончится, хорошо?

Как обычно, Джонс открыл заседание стуком судейского молотка. Ропот в комнате стих. Джонс обратился к Алисии:

— Алисия Дарвин, дочь Джеймса Пола Дарвина из Эдинбурга. Преклони колени, чтобы выслушать порицание Церкви и приговор Святейшего престола.

Алисия покорно опустилась на колени.

Джонс взял лист бумаги и начал читать на своей звучной латыни. Ксавьер тихо переводил:

— «Поскольку покойный Чарльз Роберт, сын Роберта Уоринга Дарвина из Лондона, был в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году обвинен Священной канцелярией в приверженности ложной теории, утверждающей, что виды живых существ, обитающих на земле, могут превращаться друг в друга согласно законам вероятности и селекции, а также в отрицании Божественного

Священного Писания, согласно которому все виды были созданы Всевышним в Его целях, а также в опубликовании книги под названием „Происхождение видов и естественный отбор“. Поскольку вышеупомянутый Дарвин пренебрег предписанием, вынесенным Священной конгрегацией, состоявшейся при его преосвященстве кардинале Джозефе Макиннери четырнадцатого декабря тысяча восемьсот пятьдесят девятого года, — внести поправки в указанную работу, дабы должным образом уравновесить аргументы за и против этой ложной теории…»

Речь главного комиссара тянулась бесконечно и, насколько Мэри могла судить, состояла из повторяемых отрывков предыдущего заседания. Ее поразило, насколько слабо осмыслен материал, представленный суду, как мало внимания уделено анализу обвинений и свидетельств. Ее оскорблял откровенно антиинтеллектуальный характер всего разбирательства.

Алисия, слегка покачивалась, стоя на коленях, и лицо у нее было бледное, будто она вот-вот упадет в обморок. «Кажется, до нее начала доходить реальность происходящего», — подумала Мэри. Но тут же с упавшим сердцем прочла на лице Алисии какую-то упрямую решимость.

Наконец Бонифаций, по всей видимости, подошел к концу своего монолога:

— А потому, священным именем Господа нашего Иисуса Христа и преславной Матери Его Девы Марии, заседая в качестве судей, сообразуясь с советами и наставлениями преподобных магистров богословия и докторов гражданского и церковного права, мы объявляем, провозглашаем, приговариваем и постановляем, что упомянутый Чарльз Дарвин, согласно постановлению Священной канцелярии, впал в опаснейшую ересь, поскольку выдвинул и исповедовал ложную теорию, противоречащую Божественному Священному Писанию, а именно так называемую теорию естественного отбора. Тем самым он подлежит всем наказаниям и взысканиям, налагаемым священными канонами, а также законами частного и общего права на совершивших подобные преступления. За приверженность теории естественного отбора предать Чарльза Роберта Дарвина анафеме!

Журналисты лихорадочно скрипели перьями. Мэри представила, как завтра полетят по всему миру телеграммы, разнося весть о том, что Чарльз Дарвин официально, хоть и посмертно, отлучен от Церкви.

А Алисия все еще стояла на коленях перед судом. Секретарь подошел к ней и протянул ей какие-то бумаги.

— Заранее заготовленная речь, — шепнул Ксавьер Мэри. — Она ведь сама не подсудимая, ее ни в чем не обвиняют. Она здесь как законный представитель Дарвина. Ей нужно только прочитать это вслух, и ее отпустят.

Алисия, стоя на коленях, тихим голосом, перед полной комнатой священнослужителей, начала читать:

— Я, Алисия Розмари Дарвин, дочь Джеймса Пола Дарвина из Эдинбурга, призванная лично к этому суду, преклонив колени перед вами, высокопреосвященными преподобными кардиналами, главными инквизиторами греха ереси во всей Христианской Республике… — Она смолкла, затем быстро заговорила снова: — Вы хотите, чтобы я сказала, что «Происхождение видов» — еретическая книга. Чтобы я сказала, что я и моя семья отрекаемся от памяти нашего предка и от его слов навеки.

Голос Бонифация Джонса, похожий на шуршание гравия, стал почти ласковым:

— Просто прочти это вслух, дитя мое.

Она положила листы на пол:

— Не буду.

Вот он, тот самый момент, поняла Мэри. Бунт, на который подбил ее Ансельм.

По залу пронесся ропот.

Хроникеры подались вперед, чтобы лучше расслышать слова Алисии. На лице Ансельма Фэйруэзера читалось едва скрытое торжество. Даже кардиналы пришли в возбуждение и вполголоса переговаривались между собой.

Только Бонифаций Джонс сидел молча и неподвижно, словно утес среди рокочущей бури. Алисия стояла на коленях и глядела ему в лицо.

Когда шум немного стих, Бонифаций сделал знак секретарю:

— Это не надо записывать. Дитя мое… Алисия. Ты должна понять. Здесь судят не тебя. В ереси повинен твой дальний предок. Но если ты не подчинишься решению суда, если откажешься прочитать то, что тебе дали, тогда ты сама совершишь преступление. Защищая работу своего дяди, ты сама становишься еретичкой.

— Мне все равно. — Она оттолкнула бумаги, лежащие на полу. — Я не стану это читать. Моя семья не собирается отрекаться от Чарльза Дарвина. Мы чтим его память. И не мы одни. Сам преподобный Докинз недавно сказал, что есте-

ственный отбор — лучшая из всех когда-либо выдвинутых гипотез…

Мэри шепнула Ксавьеру:

— Хотела бы я знать, с чьих слов она говорит?

— Вы имеете в виду Ансельма Фэйруэзера.

— Вы знаете, кто он?

— Он действует не слишком тонко.

— Так вот чего хочет этот Ансельм и его жуткие друзья? Чтобы вот это прелестное дитя взошло на костер. Умный ход. Уже представляю, как это отзовется у нас.

Ксавьер нахмурился:

— Я вижу, как вы разгневаны. Но вы тут ничего не можете сделать.

— Вот как?

— Мэри, это инквизиция. Против нее идти невозможно. Нам остается только ждать, что будет дальше.

При этих словах она решилась окончательно:

— Черта с два.

Мэри Мейсон встала.

— Что вы делаете?

— Хочу привнести сюда немного здравого смысла из Южной Земли, только и всего.

Она вышла вперед, и Ксавьер не успел ее остановить. Она старалась ничем не выказывать

страха, но идти, глядя в сердитые лица кардиналов, было физически трудно: казалось, будто на нее сейчас направлен гнев самого Бога.

Она подошла к судьям. Бонифаций Джонс нависал над ней мрачнее тучи. Алисия стояла на коленях на полу, вокруг валялись разбросанные листы.

Ансельм отчаянно рванулся к ним. Мэри махнула рукой в его сторону:

— Не приближайтесь. — Она протянула руку Алисии. — Встань, девочка. Довольно.

Ничего не понимая, Алисия послушно встала с колен.

Мэри подняла гневный взгляд на Бонифация:

— Вы позволите мне обратиться к суду?

— А у меня есть выбор? — сухо спросил Бонифаций.

В этом намеке на юмор Мэри почувствовала проблеск надежды. Возможно, Бонифаций сумеет отнестись к делу реалистично.

— Надеюсь, святой отец, у нас у всех пока еще есть выбор. Послушайте, я знаю, что я здесь чужая. Но может быть, мы сумеем выйти из этой нелепой ситуации с минимумом вреда для всех — и для этой девочки, и для Церкви.

— Не надо меня защищать, — произнесла Али-

сия, — мне все равно, что со мной сделают…

Мэри повернулась к ней:

— Я знаю, ты меня видишь первый раз в жизни. Но послушай, если не хочешь умереть в тюрьме в угоду мечтам твоего так называемого возлюбленного…

Алисия нахмурилась и бросила взгляд на Ансельма.

Мэри снова обратилась к Бонифацию:

— Это же спектакль. Попытка заставить Церковь показать зубы. Даже смерть не поможет врагу скрыться от вас, верно? Поэтому вы выкопали бедного Дарвина из могилы и посмертно отлучили от Церкви. Но по каким-то причинам, не стану вдаваться в рассуждения, по каким именно, вы решили, что этого мало. Вы хотите большего. Но ведь дело трещит по швам. Неужели вы не видите, комиссар, если вы сейчас вынесете приговор этому невинному ребенку за отказ отречься от своего родственника, какой это будет удар по авторитету Церкви — даже в вашей стране, а за рубежом и подавно? Вы наверняка когда-нибудь поедете с визитом в Куктаун. Представьте, как вас там встретят. Покарав эту девочку, вы только сыграете на руку вашим врагам.

— И что же, по-вашему, я должен сделать, лек-

тор?

— Ведь перед вами провинился сам Дарвин, а не его дальняя родственница. Если отлучения от Церкви недостаточно, накажите его еще как-нибудь. В истории есть примеры. В тысяча шестисотом году Джордано Бруно сожгли на костре за многочисленные ереси. Но на этом кара не закончилась. Его кости раздробили в прах — вот как его проучили! Так достаньте и вы разложившийся труп Дарвина из этого гроба и повесьте его на Тауэрском мосту. Раздробите его кости в прах и развейте по ветру Делайте с ним что хотите. Уверена, ваше воображение подскажет вам больше способов унизить покойного, чем мое. Вот вам и будет публичный спектакль, которого вы хотите, и без всякой жестокости.

Бонифаций задумался, опустив на глаза черные створки век.

— Но ведь священный суд слышал, как девушка отказалась повиноваться мне.

Тут вперед выступил Ксавьер:

— Лично я ничего не слышал, святой отец. Разве что кашель. Я уверен, что достоверных записей тоже нет.

Бонифаций кивнул.

— Хм. Вам стоило бы подумать о карьере в по-

литике, лектор Мейсон. Или в Церкви.

— Не думаю, — резко ответила она.

— Я должен посоветоваться с коллегами. Можете идти. — И он отвернулся, давая понять, что она свободна.

Мэри схватила Алисию за руку и потянула за собой.

— Идем отсюда, девочка.

За ними следом двинулся взволнованный Анселем.

— Что вы наделали? Алисия, ты должна вернуться… пустите ее, лектор… — Он попытался взять Алисию за руку.

— Не советую, мистер Фэйруэзер, — сказал Ксавьер.

— Отойди, мальчишка, — произнесла Мэри сердитым шепотом, — получишь ты своего мученика. Дарвин — великий мыслитель, ничем не хуже Галилея. Как, по-твоему, отразится на авторитете Церкви глумление над его прахом? Вы получите все, что вам нужно: отвращение, а если повезет, то и насмешки. И кстати, ты же слышал, что я говорила об открытиях наших астрономов-аборигенов. Расширение вселенной, теория, основанная на работах самого Галилея. Правда всегда пробьет себе дорогу. Церковь удер-

живала свои позиции столетиями, но ее хватка уже слабеет. Нет никакой нужды отдавать Алисию на растерзание инквизиции.

Кровь отхлынула от лица девушки. Должно быть, она только сейчас поняла, что произошло.

Но Ансельм не отводил от нее взгляда:

— Алисия, идем со мной, пожалуйста.

Девушка смотрела то на Мэри, то на Ансельма.

— Лектор Мейсон… можно мне пожить пока у вас… пока я во всем не разберусь…

— Ну конечно.

Ксавьер наклонился к Ансельму:

— Уходи, рысьеглазый. И не советую тебе, мальчик, больше попадаться на глаза инквизиции.

Ансельм изумленно уставился на всех троих. Потом повернулся и быстро вышел.

Мэри посмотрела на Ксавьера:

— И давно вы знаете, что он состоит в этой Академии?

— Довольно давно.

— Вы очень снисходительны.

— Он не опасен. Вы ведь меня уже знаете, я не люблю поднимать шум из-за пустяков. Церковь пережила падение Рима, пережила Галилея и Дарвина. Такое ничтожество, как Ансельм Фэйруэзер, она и подавно переживет.

— Поможете нам выбраться отсюда?

Он оглянулся на Бонифация.

— Думаю, суд найдет какой-нибудь благопристойный способ закончить слушание. От мисс Дарвин больше ничего не потребуется. Вот только одежда…

— Ничего, — поспешно сказала Алисия. — Я хочу уйти отсюда.

— Да и я тоже, — сказала Мэри. — Возьми пока мой плащ.

Она повела Алисию к двери.

— Ансельм меня обманул, да?

— К сожалению, да, моя дорогая.

— Он сказал, что мне ничего не будет, если я откажусь поносить Чарльза Дарвина. Я ему поверила. А как было не поверить? Он же мой адвокат… и мой… мой…

— Не думай сейчас об этом. Пойдем лучше, я тебе покажу, какой у меня номер в гостинице. Оттуда прекрасный вид на дворец Людовика Шестнадцатого. Наполеона можно рассмотреть прямо нос к носу. И знаешь, я подумала: не съездить ли мне в Эдинбург? У тебя же там семья? Говорят, там воздух чище. Поедем вместе? И пожалуй, пора покупать обратный билет на пароход. Если хочешь, можешь поехать ко мне в гости.

— Вы не шутите?

— А что? В конце концов, твой дядя Чарльз Дарвин был путешественником, верно? Может быть, это у вас в крови. Думаю, тебе понравится Южная Земля…

Продолжая тихо говорить, Мэри шла вслед за Ксавьером по подземелью собора Святого Павла и уверенно вела за собой Алисию навстречу свету дня.